

Добрыня и Алеша (7)

Ай во славноём во городи во Киёви
Да у ласкова у князя да у Владимира
Заводилсэ у них сѣдни почесѣн пир
Ай на князей-то, на бояр да ле толстобрюхиих,
Да на русскиих могучиих да богатырей,
Ай на всю-де поляницу да преудалую.
Уж как день-от идѣт нынче ко вечеру,
Ай и пир-от идѣт теперь навесели,
Уж как все-де на пиру да ле напивалисе,
Ай и все на пиру дак наедалисе.
Тогда выходил-де Владимир да стольно-киѣвской,
Он по гридне-то своей дак запохаживал,
Таково-де словечко да выговаривал:
«Уж вы все-де на пиру стали веселѣшѣньки,
Одному-де мне, Владимиру, невесело.
Ведь наехал от чужой земли невежа-та,
Он называѣт в чысто полѣ сопротивничка.
Ай вы гой еси, могучие-те богатыри,
На кого же я накину службу великую,
Ай великую-ту служебку, немалую:
Уж как съездить богатырю в чысто полѣ,
Да побитцэ-поратитцэ с невежою?»
Тут как все-де на пиру дак приумолкнули.
Ай как старшой-от-де хоронитцэ за средняго,
Ай как среднѣй-от хоронитцэ за меньшаго,
Уж никому-де не хочетцэ ехать во чыстѣ полѣ.
Как из-за того-де стола, да ле из-за средняго
Воставаѣт Михайло-де сын да Павлович.
Говорит-де сам дак таковѣ словѣ:
«Уж ты гой еси, Владимир наш стольно да киѣвской!
Ты разреши-ко-се сказать мне да таковѣ словѣ». —
«Уж ты гой еси, Михайло да сын-де ле Павлович!
Говори-ко ты здесь нам таковѣ словѣ». —
«Уж я сам-де недавно да из чыстѣ поля
Ай и также ле моя братьица крестовыя.

Они стояли во чыстóм полі, да всё ратились
Уж с неверной-де силушкой да собаки Калина.
Ай не ездил только в чысто полё Добрынюшка,
Он в ето времё всё жил нынче да во Киёви
С молодой-де женой с Настасьёй Никуличной.
Ты положь-ко-де ету службу да на Добрынюшку,
Уж он съездит, Добрыня, да во чыстó полё».
Тогда брал-де Владимир чяру полтора ведра,
Наливаёт во чяру да зелена вина,
Подносил он Добрынюшки Никитичу:
«Ты прими-де от меня чяру зелена вина,
Ай ты выпей-ко-сь, Добрынюшка, всю ее досуха.
Сослужи-ко-се ты мне служобку великую,
Уж ты съезди, Добрыня, да во чыстó полё,
Ты побейсе-поратьсе да всё ле с силушкой,
Ты очисти дороги да прямоежжия».
Тогда брал-де Добрыня да зеленá вина,
Выпиваёт он чяры да зеленá вина,
Выходил-де Добрыня из-за столов дубовых,
Он поздраствовал Владимира-князя да солнышка,
Да прощалсэ с князьями да со боярами,
Ай с могучима со русскими богатырьми.
Да пошёл тогда <Добрыня> да ко своему двору,
Заходил он во светлицу-де в свою-то ле,
Раздевает Добрынюшка цветно́ платье,
Ой надевает Добрыня платье богатырскоё,
Выходил-де он конюшоньку стоялую,
Обрежает своего добра коня кавурушку,
Он седлаёт седёлышко черкальскоё,
Да подтягивал подпругов да всех одиннадцеть,
А двенадцету подтягивал для ради крепости.
Увидала его матушка родимая
Из того-де окошочка косявчета,
Да скричала сама дак зычным голосом:
«Уж ты гой еси, молодушка Настасьюшка!
Ты беги скорей-де нынче да на конюшен двор,
Ты уж выпрашивай у своего дак <мужа> Добрынюшки,
Он куда-де отъезжает дак со своего двора?
Он ле долго ле уедёт, наш доброй молодец,

И когда нам заставит всё ждать-поджидать?»
Тут скорёшонько выбегала Настасья Никулична,
Подбегала она к своей лады да милоей:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Ты куда же ле наш дак отправляессе?»
Отвечает тогда Добрыня ей таково́ словó:
«Уж как стала ты у меня дак всё ле спрашивать,
Уж как стану теперече тебе сказывать:
Ай накинул на меня князь стольно да киевской
Уж как служебку накинул он немалую:
Ай как съездить мне, Добрыни, да во чысто́ полё,
Ай и битисе мне, дратися с невежою,
Ай побить мне егóву да всю ле да силушку». —
«Ах ты гой еси, любимой мой да державушка!
Ты когда-де заставишь нам дожидать тебя?»
Отвечат-де опять ей таково́ словó:
«Ай как пройдёт-то ле тому времечку все три года,
Не вернусь ле я если дак со чиста́ поля,
Ты еще-де поживи других ле три года.
Да пройдёт тому-де времечку всех шесть-то ле лет,
Да не вернусе я тогда дак со чиста́ поля,
Тогда тебе, Настасьюшка, будёт воля вольная,
Уж захочёшь ты, Настасьюшка, вдовой живи,
Ай захочёшь ты, Настасьюшка, заму́ж пойди.
Ты пойди хошь ле за князя, да за боярина,
Да за могучего ле сильного богатыря,
Не ходи только за Олешеньку Поповича,
Мне Олешенька Попович ле названой брат».
И поехал Добрыня да во чысто́ полё,
Уж он стал там битьсе-ратитьсе со силушкой.
Ай как день-от идёт, дак будто дождь дождит,
Ай неделя за неделей да всё трава растёт,
Ай и год-от за годом да как река бежит.
И проходит тому времечку ле три годá —
Не бывал-де Добрыня да со чиста поля.
В ето времечко поехал Олешенька поповской сын
Во чысто́-де полё да ле он поляковать.
Приежжаёт Олешенька со чиста́ поля,
Да привозит он весточку нерадостну:

Щой побитой лежит Добрынюшка Никитич млад,
Во чистом-де поле, ногами во ракитов куст.
Его мамонька-де горчехонько заплакала
Со своей-де невесткой, Настасьей Никуличной.
Да сядилисе обок да ко окошечку,
Жалобнёшонько по Добрыни да они плакали.
Ай сядилисе они дак ко окошечку,
Опять стали-де его ждать дак со чиста поля,
Уж как день-от идет, дак будто дождь дождит,
А неделя за неделей-да всё <к>ак трава растёт,
Ай и год-от за годом, да всё река бежит,
И прошло других опять нынче три годичка —
Не бывал-де Добрыня да со чиста поля.
Тут ле стал-де Владимир да к им похаживать,
Ай и стал он Настасьюшку посватывать:
«А прошло ведь других тепере три года,
Видно, нету в живых нынче Добрынюшки.
Ты пойдик-ко-се, Настасьюшка, всё замуж ле,
Ты поди-ко-се за князя, да за боярина,
Хошь за удалого могучёго богатыря.
Ты, Настасьюшка, теперече всё молоденька,
Тебе долго ведь жить-вдоветь будёт до старости!»
Отвечает Настасья да таково слово:
«Уж я выдержала ле мужнюю ле заповедь,
А я выдержу ещё свою заповедь женьскую,
Я прожду его, Добрынюшку, вторых шесть ле лет.
Да пройдёт тому-то времечку двенадцать лет,
Не вернетца мой муж дак со чиста поля —
Все успею же я выйти да во замужество».
Ай прождала она других дак ровно шесть-то ле лет,
И не бывал-де Добрыня да со чиста поля.
В ето времечко да ехал Олешенька поповский сын,
Он приехал, Олеша, да со чиста поля,
Привозил опять ле весточку нерадостну:
«Ай лежит Добрыня да во... ой, на сырой земли,
Его косточки-ти звери да приростаскали».
Тут ле стал опять ходить да ле князь Владимир-от,
Он ле стал опять Настасьюшку посватывать:
Ай не пошла-де Настасьюшка за князя-де,

Не пошла-де Настасья да за богатыря,
Только пошла она за Олешеньку Поповича.
Уж как пир-от у них пошёл нынче навесели,
Ай как треть-ёт день приходит, да всё идти-то им
Во божью церкву́, принять дак по злату венцу.
Ай старушенька осталасе в своей светлице,
Жалобнёшонько старушенька ле заплакала:
«Закатилосе нынче моё красно да солнышко,
Закатайтцэ теперь дак как ясён месец!»
Ай из далёче-далёче да из чиста поля
Ай не белая порошенька повыпала —
Ай наезжаёт ле детина да со чиста поля,
Заежжаёт детина да ко Добрынину
Ко тому-де конюшеньки стоялой.
Соскочил тогда уда́лой да со добра коня,
Заходил скорей Добрыня да во свою свѣтлицу:
«Уж вы здравствуйте-де, Мамельфа да Тимофеевна,
Ты Добрынина, видно-видно, да все ле матушка!
Я вчерась-де был с Добрынюшкой Никитичём,
Да он дал мне-ка такой наказ-де вам-то ли,
Уж расспросить-де у старушки да про его жену».
Отвечаёт старушенька дѣбру да молодцу:
«Молода его жона пошла в замужество
За того-де Олѣшу да за Поповича.
Уж как третьей день идет сѣдни пир навесели,
Да пойдут они во церьков принимать по злату венцу». —
«Уж ты гой еси, Добрынюшкина-де матушка!
Да ещё ле мне Добрыня да наговаривал:
Тебе сходить нынче в погреба-ти да во глубокия,
Принести-де мне платьѣ да скоморошиноѣ,
Да ещё-де принести мне-ка гусѣлушка,
Да еще ты налей мне-ка пива крепкого.
Когда сокручусе, снарежусь я скоморошиной,
Чтобы меня на пиру дак не пообидели».
Ай сходила старушка в погреба глубокия,
Выносила ему платьѣ скоморошиѣ,
Выносила ещё гусѣлушка ярѡвчаты,
Да подносила ему дак пива крепкого.
Ай снаредилсе скоморошиной преудалой,

Да и брал он гусёлушка ярóвчаты,
Да-й приходил он ко... да ко Владимиру,
Ай и крест-от кладёт дак по-учёному,
Поклоны-ти ведёт дак по-учёному,
На все стороны ле он дак поклоняется,
Князю-солнышку с княгиной да во особину.
«Уж ты гой еси, Владимир да стольн-от киевской!
Ты поишь ле, кормишь приежжих да добрых молодцов?»
Отвечает Владимир да таково слово:
«Уж ты здравствуешь, уда́ла да скоморошина!
У мя все-де места нынче призанеты,
Только есть одно тебе местечко на печушки».
Как скоморошина етого места не брезгивал,
Он садилсэ на печку да на муравленку,
Ай и клал-де на колени свои гусёлышка,
Он их начал налаживать от Чернигова,
Да накладывать он стал ведь стольной Киёв-град,
Ай и стал он по струночкам похаживать,
Да и всих он поименно да ле всё припёвали.
Тут и все-де на пиру дак приумолкнули,
Ай и все-де на честном дак приутихли же.
Говорит тогда молодая да всё княгинюшка,
Молода-та Настасья да дочь Никулична:
«Ай не быть же скоморохи да преудалоей,
Ай и быть, видно, могучёму богатырю!
Прежде еко играл Добрынюшка Никитич млад».
Тут воставал-де Владимир да на резвы́ ногі,
Говорил-де он сам дак такovy слова:
«Уж ты гой еси, преудала да скоморошина!
За твою-то игру дак за хорошую
Ты слезывай-ко со той нынче со печушки,
Да и дам я тебе дак здесь три мѣстечка:
Ай первó мѣсто — садись ты возле всё меня,
Ай вторó мѣсто — садись дак во супротив меня,
Ай и третиё-т место, дак сам куда захошь».
Не садилсэ скоморошина рядом с Владимиром,
Не садилсэ-де он дак супротив его,
Ай садилсэ супротив кнегиной, ой молодой.
Говорил-де скоморошина таково слово:

«Уж ты гой еси, Владимир да стольн-от киевский!
Разреши-ко-се налить мне да чяру полную,
Чяру полную налить, дак полтора ведра,
Уж кому-де я хочу, тому пожалую».

Говорит тогда Владимир да скоморошину:
«Ты теперече налей чяру зеленá вина,
Уж тебе-ка ле нынче да воля полная».

Наливал тогда скоморошина чяру зеленá вина,
Да спускал он ле свой злачен перстень в водочку,
Подносил-де молодой дак всё княгинюшки:
«Уж ты гой еси, молодая да как княгинюшка!
Ты прими-ко-се от меня чяру зеленá вина,
Да повыпей-ко ты чяру да ету дбсуха.
Не допьешь ты ле чяру да ету досуха,
Не видать тогда тебе будёт добра-то ли».

Принимала Настасья да чяру зеленá вина,
Выпивала она дак чяру досуха —
Прикатилосе ко устам да ей колечушко,
Ай взяла она кольцо дак во белы́ руки,
Говорит сама тогда дак таково́ словó:
«Уж не тот мой муж, которой со мной рядом сидит,
А тот мой ле муж, которой да супротив меня!»

Выходила Настасья из столов дубовых,
Ай и пала она дак во резвы́ ноги:
«Уж прости-ко-се меня, ты да всё Добрынюшка,
Не послушала я твоей заповéди великоёй,
Я пошла о-де взамуж за Олешеньку Поповича!»

Отвечает Добрыня да таково слово:
«Уж у бабы-то ведь волос долог, да ум кóротенькой,
Ей куда ведут, она дак всё туда идёт,
Ей куда везут, дак она да всё туда едёт.
Уж не прощу только Олешеньки Поповичу —
Он зачем ездил-де нын дак во чисто́ полё,
Он слезил-де мою родиму да матушку!»

Ай тогда брал-де Добрынюшка Олешеньку
За желты́ кудри́, выводил из столов дубовых,
Ай и начал Олешеньку поваживать,
Да гусёлушками своими его охаживать —
Да не слышно-де было Олёши оханьё

От того-де гуселышков-де да буханья.
А при том-де пиру дак при Владимирском
Сидел-де тут Ильюшенька сын Иванович.
Он брал-де Добрыню да за плечи могучия:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
Ты уйми-ко-се своё да ле ретивó сердца,
Ты сдержи-ко свои да ле-ка руки белыя,
Не убей-ко Олешенька Поповича!»
Тогда брал-де Добрыня Настасью Никуличну,
Целовал-де у ей уста сахарныя,
Да повёл он во свои полаты ведь белыи.
А Олешенька садилсэ да на скомеёчку,
Садилсэ Олёша да приговаривал:
«Только далась-де женидба Ставру Годинову,
Да другá-та далась Добрынюшки Никитичу».
Ай и столько Олешонька жонат бывал,
Да и столько Олешонька с жоной живал.

*(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от
Лагеева Василия Игнатьевича, 69 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.